

Бучек Альбина Александровна
Аспирант КГПУ

К вопросу о специфике исследований этнопсихологических особенностей представителей коренных этносов

В последнее время исследования этнических особенностей привлекают все большее внимание не только этнологов, этнографов, культурологов, этнолингвистов, социальных антропологов, но и психологов. Это обусловлено возрастанием роли этнической идентичности в формировании способов регуляции человеком собственного поведения, приобретения опыта, процессов рефлексии, и, в целом, развития личностного сознания и самосознания.

Однако, как справедливо замечено исследователями-социологами, «само обращение к феномену этничности требует специфических подходов» (9, 163). Безусловно, это относится и к изучению психологического аспекта этнического фактора.

Общепризнанной в психологии является мысль о том, что изучение личностного развития человека необходимо осуществлять с учетом того культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия народа (8). Такая позиция исследователя позволяет определить культурную целостность и метаэтническое единство культурной среды изучаемого этноса и, исходя из этого, рассматривать конкретную личность в ее индивидуальных проявлениях.

Детерминированность этнической специфики психики индивида его принадлежностью к определенной этнической общности не раз подчеркивалась в работах ученых, как отечественных (Г. Г. Шпет, В. М. Бехтерев, Ю. В. Бромлей, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов и др.), так и зарубежных (Ф. Боас, Р. Бенедикт, Т. Шварц, М. Мид, Ф. Хсю).

Стремление исследователей выявить связи между внутренним миром человека и культурой определено убеждением, что «под влиянием культуры складываются аффективно — когнитивные элементы психики, ее способность к дифференциации и различению человеческого опыта, характерные способы приобретения опыта». (7, 105—106).

Однако, необходимо отметить и то, что каждому человеку свойственна, по словам В.С. Мухиной, индивидуализация значений и смыслов культурных знаков, что делает его неповторимым, уникальным индивидом (8). Поэтому объяснение формирования личности и ее индивидуальности с точки зрения принадлежности к определенной культуре требует особой осторожности. «Если личность-это продукт культуры, каждый разделяющий общее культурное наследие должен быть похож на остальных. Однако, в объяснении нуждается как раз тот факт, что каждый человек не похож на других», — пишет Т. Шибутани (11, 461).

Задача исследователя, изучающего этнопсихологические особенности представителей коренных этносов, следовательно, заключается в определении специфики развития с учетом принадлежности к особой культуре, но отнюдь не в нивелировке всех людей, принадлежащих к данному этносу.

Исходя из этого, следует особо подчеркнуть, что проникновение в культуру этноса с целью его изучения связано с постижением всех составляющих психической реальности членом этнической культуры, с пониманием картины их особого взгляда на мир. Ситуация межкультурного взаимодействия, в которой оказывается в таком случае исследователь, являясь довольно непростой, осложняется еще и тем, что «постигать и описывать любые особенности национальной культуры позволительно только с полного согласия тех, кому она принадлежит» (6, 23).

Анализ литературы по проблемам, связанным с особенностями межкультурного взаимодействия (Т. Г. Стефаненко, Е. П. Белинская,

З. В. Сикевич, Г. М. Андреева, С. А. Баклушинский и др.), позволяет выделить наиболее важные из них.

Прежде всего необходимо отметить, что ситуация взаимодействия с представителями этносов требует высокой «межкультурной сензитивности» (термин Р.Альберта) (цит. по 10, 177) исследователя и, что особенно важно, постоянной рефлексии, направленной на «минимизацию проекций собственных этнических норм, ценностей, ожиданий и стандартов поведения» на представителей этнических групп (2, 159).

Поскольку, как отмечает И. С. Кон, «мы воспринимаем и оцениваем поведение и образ жизни чужого народа сквозь призму культурных традиций и ценностей собственной этнической группы» (4, 218—219) недостаточная рефлексия может негативно влиять на восприятие норм и ценностей представителей иных культур, М. Коул, С. Скрибнер называют данного рода проявления «экспериментальным субъективизмом», выражающимся в том, что «определенные частные структуры познавательных навыков, возникшие в исторических условиях нашего собственного общества, неверно принимаются за универсалии, и их отсутствие в других культурах рассматривается как «недостаток» (5, 245).

Между тем, ориентация исследователя на ценность изучаемой этнической культуры вовсе не означает отказа от собственной культуры и не требует быть похожим на членов изучаемого этноса. Истинные исследователи, по мнению К. Гирца, «вовсе не стараются стать туземцами или подражать им. Эту цель могут ставить перед собой лишь романтики и шпионы» (3, 182).

Преодоление межкультурной дистанции, которая, по мнению исследователей, неизбежно возникает в ходе такого взаимодействия, может осуществляться по-иному. Например, через ознакомление (до начала исследования) с основными фактами истории, современной этнополитической ситуацией, элементами духовной культуры этноса, принятыми нормами этикета, образцами поведения, этническими стереотипами (1).

Такая осведомленность, с одной стороны, повысит качество собираемого материала, а, с другой, — позволит преодолеть трудности межкультурного взаимодействия.

Довольно часто в литературе можно встретить утверждение, что этническая принадлежность исследователя заметно влияет на ответы респондентов, особенно если речь идет о представителях коренных народностей. Так, считается, что «интервьюерам, принадлежащим к той же национальности, что и опрашиваемый, даются более «этноцентричные» ответы, нежели принадлежащим к другой национальности» и, что «в таком случае ответы более объективны и откровенны.» (1, 264), а «возникновение доверительной атмосферы в этом случае более вероятно, чем при контакте с «чужим» (9, 164).

Однако, с другой стороны, нельзя не согласиться с мнением Т. Шибутани, который отмечает: «... у тех, кто придерживается одной и той же картины мира, часто развивается то, что Веблен назвал «выдрессированной неспособностью» понять даже самые элементарные черты другой культуры» (11, 216). Другими словами, идентичные этнические

установки исследователя могут не помогать, а, напротив, вызывать неосознанное, а иногда и сознательное желание «исправить», «откорректировать» ответы респондента в соответствии с собственными взглядами. Поэтому считать предпочтительным принадлежность исследователя к той же этнической группе представляется довольно спорным.

Проведение подобного рода исследований требует не только высочайшего профессионализма, но и особой личностной включенности исследователя. Даже ориентация на ценность другого, являющаяся общепринятой в профессиональной деятельности психолога, имеет ряд специфических особенностей, когда речь идет о представителях коренных этносов. Это обусловлено целым рядом особенностей самого фактора этничности. К числу таких особенностей З. В. Сикевич относит следующие:

- эмоционально — чувственность категории этничности, ее иррационализм; по образному выражению З.В. Сикевич, исследователю предстоит пройти «между «сциллой» эмоциональности и «харибдой» иррациональности гипотетического респондента» (9, 164).
- мифологизированность, «бессознательный символизм»;
- интимность этнических «привязанностей»;
- стереотипизация поведенческих реакций согласно реальной или воображаемой этнической норме (9).

Все эти особенности выступают как определяющие специфику построения этнопсихологического исследования.

Несомненно, значимыми в этой связи являются утверждения У. Гудинафа, что «культура [находится] в умах и сердцах людей» (цит. по З, 179). Из этого следует, что изучение представителей коренных этносов возможно лишь с использованием тех конструкций, в которые данные народы сами себя мысленно помещают, и тех формул, в которых они сами описывают, что с ними происходит. Не случайно, поэтому, для изучения особенностей личностного развития коренных жителей Камчатки нами был выбран тест самоотношения М. Куна и Т.Макпартленда на определение индивидуального уровня личностной самоидентичности. В исследовании приняло участие 27 человек, из них 16 — представители коренных народностей. В результате было замечено, что представители коренных народов называют свою этническую принадлежность в 4 раза чаще, чем испытуемые, не принадлежащие к ним. Кроме того, отмечено, что чем старше респондент, тем раньше называется этническая принадлежность, т. е. данный компонент занимает более высокий ранг в структуре самосознания. Нами изучался также этнический «Я» — образ (субъективированные проявления этнической идентичности как компонента самосознания).

Этническая идентичность — психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности, это результат когнитивно — эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособление от других этносов. Г. Г. Шпет предложил рассматривать этническую идентичность как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других (13).

В нашем исследовании приняло участие 32 человека, из них 13 мужчин и 19 женщин. Средний возраст — 37 лет. Опрос был направлен на выявление индивидуально-личностной этнической самоидентификации. За основу была взята анкета социально — психологического исследования, предложенная З. В. Сикевич (9).

Представим некоторые результаты.

На вопрос: «Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какой-либо национальности со своим языком, обычаями и традициями?» 61 % испытуемых ответили: «Да, чувствую принадлежность к определенной национальности», 18 % ответили: «Чувствую свою принадлежность сразу к нескольким национальностям», среди них больше половины (60 %) рожденных от смешанного брака (эвенка — коряк, русский-эвенка, белорус-эвенка, эвен-корячка) и 21 % испытуемых ответили: «Нет, не чувствую себя принадлежащим ни к какой определенной национальности.» Интересно, что те, кто выбрал этот вариант ответа на данный вопрос, в графе «национальность» написали либо русский, либо один из родителей русский по национальности. По всей вероятности, проживание в полиэтнической среде накладывает отпечаток на структуру представлений о собственной этнической идентичности. Вопрос о степени выраженности этнического «Я» (Кем Вы себя чувствуете прежде всего?) предполагал для оценки следующие варианты ответов: А) Гражданином мира, Б) Гражданином России, В) Камчатцем, Г) Представителем определенной национальности. Ответы распределились следующим образом: гражданином мира чувствуют себя 5 % испытуемых, России — 35 %, камчатцем — 50 % и только 10 % чувствуют себя представителями определенной национальности (как правило, эвены).

В качестве контрольного вопроса, подтверждающего степень выраженности этнического «Я» был предложен полузакрытый, альтернативный вопрос, который, по словам З.В.Сикевич, одновременно с выявлением степени акцентуации этнического «Я» затрагивает и сферу межэтнической коммуникации, и, в частности, служит «контролем» для фиксации негативных гетеростереотипов. Вопрос такой: «Обращаете ли Вы внимание на национальность окружающих?». Было выявлено, что 56 % испытуемых обычно не обращают внимание на национальность окружающих, обращают, если они им симпатичны, 13 %, обращают, если они чем-то несимпатичны, 3 %; обращают внимание в любом случае-28 %.

Фактически больше половины респондентов не обращают внимание на национальность окружающих. Это может быть истолковано в пользу благополучия (не исключено, что декларируемого) в сфере межэтнической коммуникации, однако, для окончательных выводов требуются специально направленные исследования на большем количестве респондентов и при помощи других методов.

Последний вопрос представлял проективную ситуацию, косвенно затрагивающую этническую самоидентификацию: «Представьте себе, что Вы родились, например, французом, американцем, русским или др. Довольны были ли Вы такой этнической метаморфозой?». 53 %

испытываемых не обрадовались бы таким изменениям. Среди причин отказа назывались следующие:

Нравится принадлежать к своему народу («Я родилась эвенкой», «Я эвен и хотел бы быть тем, кем есть сейчас», «Потому, что я — русский»).

Нет никакой разницы, какая национальность у человека. («Главное, чтобы человеком быть»).

По привычке («Такая родилась»).

Другая часть испытуемых (47 %) были бы довольны такой метаморфозой. В качестве объяснений назывались следующие:

Не помешало бы («Хочется узнать, как они живут, их обычаи», «Лучше бы жили, было бы интересно», «Нравится язык, характер французов» и т. д.).

Нет никакой разницы, какой национальности человек («Национальность не определяет сущности человека»).

Хочу остаться самим собой («Все равно останусь эвеном»).

Таким образом, причины желания изменить или не менять этническую принадлежность практически идентичны.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что своеобразным ориентиром в изучении этнических особенностей могут стать следующие слова М. Мид: «Отправляясь в далекую экспедицию, исследователь должен освободить свой ум от всех предвзятых идей и изучать культуру, стремясь ее понять без попыток сравнения с другими культурами». Подобный подход М. Мид иллюстрирует с помощью следующего примера: «Рассматривая некое увиденное жилище как большее или меньшее, роскошное или скромное по сравнению с жилищами уже известными, мы рискуем потерять из виду то, чем является именно это жилище в сознании его обитателей.» (Цит. по 11, 38).

Таким образом, только изучая каждую проблему, как писал Перотти, «исходя из Другого, глазами Другого», исследователь может приблизиться к столь самобытной реальности неизвестного ему сознания, проникнуть в самое сокровенное человеческой души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. Пособие для вузов. М., 1998. — 271 с.
2. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. — М.- Воронеж, 2000. — 208 с.
3. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры. // Антология исследований культуры. — Т. 1. — СПб., 1997. — С. 171—200.
4. Кон И. С. Национальный характер — миф или реальность?// Иностранная литература, 1968, № 9. — 218—219
5. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. — М., 1977. — 261 с.
6. Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. — М., 1983. — 143 с.
7. Лурье С. В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. — М., 1997. — 448 с.

8. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детства, отрочества: учеб. для студ. вузов. — М., 1998. — 456 с.
9. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. — СПб., 1999. — 203 с.
10. Стефаненко Т. Г. Адаптация к новой культурной среде и пути ее оптимизации. // Введение в практическую социальную психологию. Учеб. пособие для высших учебных заведений. / Под ред. Ю. М. Жукова, Л. А. Петровской, О. В. Соловьевой. — М., 1996. — С. 167—185.
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М., 1999. — 320 с.
12. Шибутани Т. Социальная психология. — Ростов-на-Дону, 1998. — 544 с.
13. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. // Психология социального бытия. — М., Воронеж, 1996. — С. 261—372.